

СЛОВО и ОБРАЗ

ГАЛЕРЕЯ КЛАССИКИ

Метафизика

Удивительно, как это некоторые девицы на конторщика Винивитькина засматриваются.

Конечно, конторщик Винивитькин — мужчина изысканный, но все же поразительное это явление. Ну, если б две девицы или, скажем, три, а то ведь все. Смешно даже.

Надюша-переписчица и та намеки делает. Егозит. Давеча ведь какую туманную аллегория пустила...

— Одного, — говорит, — писателя обожаю... Лермонтова, — говорит, — обожаю за его чудный слог.

И при этих словах на него, на Винивитькина, взглянула.

Хе-хе... Намекает... Туманная аллегория. Знаем мы этого Лермонтова.

Ну, скажи подобные слова простачку. Губы распустит простачок. Ни черта в аллегориях не поймет. А Винивитькин всю подноготную видит.

Отбою нет Винивитькину от девиц. Надоело отмахиваться. Ну а уж если, например, выбор делать, так со всего учреждения, со всей «Губмогилы» непременно полное предпочтение Надюше отдать нужно.

Прелестная это девица. Очень даже изысканная барышня. Она и собой великолепна, и из дворяночек. С такой-то нигде не позорно показаться. Таковую-то и обождают после службы можно.

Да что говорить? Ждет Винивитькин. Ежедневно ждет. Нынче тоже пойдет Винивитькин с Надюшей плечо к плечу. Сейчас и выйдет куколка. Носишко только попудрит и выйдет.

Да-с, дворяночка, а ведь как егозит. Чувствует, шельма, что он, Винивитькин, осчастливить ее может. Да только на счет серьезного шага — атанде-с. Обождать нужно. А только прогулки ради — пожалуйста. Очень даже это приятно и все такое...

А великолепная штука это — равенство. Раньше и не посмотрела бы Надюша на Винивитькина, а нынче, виноват, нынче конторщик Винивитькин дворяночку эту за прелестную ручку, и пожалуйста.

Умные люди революцию делали. И ему, Винивитькину, кой-что достанется. Немногое, конечно, но достанется.

Да что толковать? Надюша достанется.

А и любит же она его, шельма. Ах как любит мучительно. Ишь ты, как носишко свой продолжительно пудрит. Понравиться хочет. Что ж? Можно и обождать. Локончик, может, какой-нибудь раскуделился. И локончик этот для него, для Винивитькина, в порядок привести нужно.

Что ж? Обождет Винивитькин. Свободный он человек. До четырех — да, перо и книги, а после-то Винивитькин — свободный орел. Вот захочет — закурит сейчас. Вот, пожалуйста, и папиросочка. Захочет — на приступочку сядет, плюнет, на конец. И никто ему ни полсловечка не скажет. Гм, никто... Да сам комиссар «Губмогилы» ничего не может сказать. Свободный орел.

А если, скажем, и точно: выйдет сейчас комиссар...

— А зачем, мол, скажет, ты, Винивитькин, сидишь на казенной приступочке или, например, плюнул?

Пожалуйста. Полный ответ готов:

— Так и так, товарищ комиссар. В служебное время — да, перо и книги. А тут — виноват. Мое право. Не позволю, товарищ комиссар. Тут я орел гордый.

Хе-хе. Хорошо сказано. Плотно сказано. Ну, а если товарищ комиссар такое скажет:

— А зачем, мол, скажет, ты, Винивитькин, девицу ждешь? Укажи цель и потребность. И что про любовь, например, думаешь? Дозволено ли это чувство? Не является ли оно бессмысленной метафизикой и поповской выдумкой?

Опять-таки скажет Винивитькин:

— Цели, мол, никакой не преследую, что же касается любви, то нынче любви никакой нету, а просто есть половое развлечение. Вообще же чувство любовь — это метафизика, а церковь — вздор и поповская выдумка.

Хе-хе... Плотно сказано...

Ну, а если товарищу комиссару вожжа под хвост, и скажет он... персонально полюбопытствует:

— А зачем, мол, скажет, ты, Винивитькин, плут и ипохондрик, именно эту, переписчицу Надюшу, ждешь? И что, рассуждая о конечном результате, о браке думаешь?

Ответит Винивитькин такое:

— А почему бы, ответит, не ждать Надюши, если ему, конторщику восьмого разряда, девица эта всем эстетическим запросам удовлетворяет? Рассуждая же о браке, конечный результат — брак гражданский без участия церковной метафизики.

Хе-хе, размечтался Винивитькин. А в мечтаниях и время быстро проходит.

Ну, а если товарищ комиссар в глубину копнется... Если товарищ комиссар, например, спросит о дворянском происхождении Надюши?... И дозволено ли ему, Винивитькину, усть-ижорскому мещанину...

Хе-хе... Замри, Винивитькин. Вот, пожалуйста, идет куколка. Носишко попудрила и идет. Топают ножками.

Точно: Надюша по лестнице шла. Да только не одна, а с комиссаром под руку. Покачнулся Винивитькин, побледнел... А они мимо прошли плечо к плечу. Комиссар Вини-

витькина увидел. Пальцами заинтересовался, пальцы свои стал рассматривать. А Надюша и носишко в сторону.

Ну что ж? Большому кораблю — плаванье большое. Да только обидно очень — не посмотрела Надюша. А стоял Винивитькин довольно в презрительной позе.

Ах, несуразное вышло, смешное вышло. И что, например, сделать? Догнать? Крикнуть что-нибудь похабное?

Стоит Винивитькин на дороге, руками машет, советуется сам с собой. Баба шла. Баба эта пребольно пихнула его в бок.

— Ну, мымра, — сказала баба, — думаешь, надел американские сапоги, так и беременных людей руками задевать можешь.

— Пихайте меня, — ответил Винивитькин, — пихайте. Нынче и личность не считается.

И побежал вдруг Винивитькин. Перегнал комиссара с Надюшей.

— До свиданья, товарищ комиссар, — сказал. И пошел, руками размахивая.

Веселая масленица

Некотрые думают, что управдомом быть — пустое дело. Некоторые товарищи предполагают, что должность управдома это вроде бы делопроизводителя по письменной части: деньги получить, удостоверения гражданам выдать, расценку произвести.

Ах, какие это пустяки! Должность управдома — серьезнейшая, государственная должность. Она труднее, нежели должность директора Пищевого Треста.

Мало того, что управдом должен быть человек башковатый, он должен быть философом, психологом, проницателем. Каждого своего квартиранта управдом вот как должен знать! Насквозь должен знать, все кишки его видеть. А то как же иначе? В 43 квартире — безработный. А безработный этот, сук ему в нос, ежедневно в пивные ходит, в кабаре. Ночью на машинах приезжает, дворнику Семену пятерки дает. Не жалко, конечно, пускай дает, но зато управдом Конючкин и плату на него возвел соответствующую.

Ну да с мужчинами это просто, а вот с бабами какво? Скажем, женщина... А шут ее разберет, какая она есть? Чулочки там, ботинки, шляпки — а может она веселящаяся? А если она веселящаяся, то и квартира ее подозрительная, о которой по декрету донести нужно.

Тоже вот 48 квартира. Подозрительно. Две девицы проживают — Манюшка Челькис и еще одна гражданка с эстонской фамилией Эпитафия. Может, они и есть веселящиеся. Управдом Конючкин давно к ним присматривается — не понять только: будто и подозрительные, а будто и нет.

С ума сойти управдому Конючкину! Суетливая до чего должность!

И добро бы еще семейная жизнь была хороша. Какое там! Семейная жизнь у управдома Конючкина ничего не стоящая — раздоры, распри, полное несходство характеров.

Тоже вот — блины.

Управдом Конючкин любит блин поджаренный, с хрустом, причем с соленьким, а жена управдома Марья Петровна блин обожает рыхлый, бледный, да еще, противно сказать, со сметками, тьфу на них! От этого тоже распри и семейные неурядицы.

В среду на масляной управдом Конючкин до того дошел, что и кушать не захотел. Сидит за столом и на блины не смотрит — противно. Марья Петровна так супруга своего и точит: и зачем не ест, и зачем выражение лица имеет грустное, и зачем, вообще, молодость ее заел.

Управдом Конючкин даже сплюнул со злости и из квартиры вышел.

И вышел он на лестницу, на ступеньку сел. И сел он по случайности напротив квартиры 48. Только слышит вдруг пенье, шум, разгул вообще.

«Подозрительная, — думает, — квартира. Хорошо бы девиц этих с поличными накрыть, с уликами».

Постучал Конючкин в дверь. Девица Эпитафия открыла.

— Тово-с, — сказал управдом, — разрешите канализацию и водопропод проверить.

— Пожалуйста, — сказала Эпитафия. — Да вы бы, гражданин Конючкин, за стол бы присели. Это вот — мои гости, это вот вино, а вот блины.

Взглянул управдом на блины и замер. Никогда он таких блинов не видел. Чудные, великолепные блины и с большим хрустом.

Растерялся управдом, сел, скушал парочку блинов.

— Эх, думает, не по должности поступаю. Ну да ладно, по крайней мере узнаю точно — веселящиеся девицы или нет?

Съел он еще и еще, и выпил после, и к 12 часам на коленях у него сидела Манька Челькис и пела «Марусю». Управдом ей подпевал хриплым голосом.

Ночью он спал на диване. Один или с кем — не помнит.

Утром проснулся хмурый, подумал: донесу, квартира, точно, подозрительная.

И стал одеваться.

А когда он хотел уходить, Манька ему сказала:

— Ежели ты задумал донести или что — берегись. Мне теперь все равно — разглашу, ославлю на весь дом и должности лишу. А пока пиши расписку: деньги, мол, за квартиру получил полностью и вперед за три месяца.

— Позвольте, — сказал управдом, — за три месяца это выходит по свободной профессии... Позвольте, это же много выходит... двести выходит. Позвольте хотя за два месяца написать? За что же?

— Пиши за три! — строго сказала Манька. И управдом написал.

Ах, до чего трудная должность управдома! В особенности на масленой.

Сила таланта

Успех актрисы Кузькиной был потрясающий. Публика била ногами, рычала. Поклонники актрисы кидали на сцену цветы, кричали:

— Кузькина! Ку-узькина!

Один из наиболее юрких поклонников пытался проникнуть на сцену через оркестр, но был остановлен публикой. Тогда он бросился в боковую дверь с надписью: «Посторонним воспрещается» — и скрылся.

Актриса Кузькина сидела в артистической уборной и думала.

Ах, именно о таком успехе она и мечтала. Потрясать сердца. Облагораживать людей своим талантом...

Но тут в дверь постучали.

— Ах, — сказала актриса, — войдите.

В комнату стремительно вошел человек. Это был юркий поклонник. Он до того был боек в своих движениях, что актриса не могла даже его лица рассмотреть.

Он бросился перед ней на колени и, промычав: «Влюблен... потрясен», схватил брошенный на пол сапог и стал покрывать его поцелуями.

— Позвольте, — сказала актриса, — это не мой сапог, это комической старухи... Вот мой.

Поклонник с новой яростью схватил актрисин сапог.

— Второй... — хрипел поклонник, ползая на коленях, — где второй?

«Господи! — подумала актриса. — Как он в меня влюблен!»

И, подавая ему сапог, робко сказала:

— Вот второй... А вон там мой лиф...

Поклонник схватил сапоги и лиф и торжественно прижал их к груди.

Актриса Кузькина откинулась в кресле.

Господи! Что можно сделать силой таланта! Довести до невменяемости... Успех! Какой успех! Поклонники врываются к ней, целуют ее обувь. Счастье! Слава!

Потрясенная своими мыслями, она закрыла даже глаза.

— Кузькина! — громко закричал режиссер. — Выход!

Актриса очнулась. Поклонника с сапогами уже не было.

После выяснилось: кроме сапог и лифа, из уборной исчезла коробка с гримом, парик и — что всего ужасней — один сапог комической старухи: другого поклонник не нашел.

Беда

Егор Иваныч, по фамилии Глотов, мужик из деревни Гнилые Прудки, два года копил деньги на лошадь. Питался худо, бросил махорку, а что до самогона, то забыл, какой и вкус в нем. То есть, как ножом отрезало — не помнит Егор Иваныч, какой вкус, хоть убей.

А вспомнить, конечно, тянуло. Но крепился мужик. Очень уж ему нужна была лошадь.

— Вот куплю, — думал, — лошадь и клюкну тогда. Будьте покойны.

Два года копил мужик деньги, а на третий подсчитал свои капиталы и стал собираться в путь.

А перед самым уходом явился к Егор Иванычу мужик из соседнего села и предложил купить у него лошадь. Но Егор Иваныч предложение это отклонил. Испугался даже.

— Что ты, батюшка! — сказал он. — Я два года солому жрал — ожидал покупки. А тут накося — купи у него лошадь. Это вроде как и не покупка будет... Нет, не пугай меня, браток. Я уж в город лучше поеду. По-настоящему чтобы.

И вот Егор Иваныч собрался. Завернул деньги в портянку, надел сапоги, взял в руки палку и пошел.

А на базаре Егор Иваныч тотчас облюбовал себе лошадь.

Была эта лошадь обыкновенная, мужицкая, с шибко раздутым животом. Масти она была неопределенной — вроде сухой глины с навозом.

Продавец стоял рядом и делал вид, что он ничуть не заинтересован, купят ли у него лошадь.

Егор Иваныч повертел ногой в сапоге, ощупал деньги и, любовно поглядывая на лошадь, сказал:

— Это что ж, милый, лошадь-то, я говорю, это самое продаешь, ай нет?

— Лошадь-то? — небрежно спросил торговец. — Да уж продаю, ладно. Конечно, продаю.

Егор Иваныч тоже хотел сделать вид, что он не нуждается в лошади, но не утерпел и сказал, сияя:

— Лошадь-то мне, милый, вот как требуется. До зарезу нужна мне лошадь. Я, милый ты мой, три года солому жрал, прежде чем купить ее. Вот как мне нужна лошадь... А какая, между тем, цена будет этой твоей лошади? Только делом говори.

Торговец сказал цену, а Егор Иваныч, зная, что цена эта ненастоящая и сказана, по правилам торговли, так, между прочим, не стал спорить. Он принялся осматривать лошадь.

Он неожиданно дул ей в глаза и в уши, подмигивая, прищелкивая языком, вилял головой перед самой лошадиной мордой и до того запугал тихую клячу, что та, невозмутимая до сего времени, начала тихонько лягаться, не стараясь, впрочем, попасть в Егор Иваныча.

Когда лошадь была осмотрена, Егор Иваныч снова ощупал деньги в сапоге и, подмигнув торговцу, сказал:

— Продается, значит... лошадь-то?

— Можно продать, — сказал торговец, несколько обижаясь.

— Так... А какая ей цена-то будет? Лошади-то?

Торговец сказал цену, и тут начался торг. Егор Иваныч хлопал себя по голенищу, дважды снимал сапог, вытаскивая деньги, и дважды надевал снова, божился, вытирал рукой слезы, говорил, что он шесть лет лопал солому, и что ему до зарезу нужна лошадь — торговец сбавлял цену понемногу.

Наконец, в цене сошлись.

— Бери уж, ладно, — сказал торговец. — Хорошая лошадь. И масть крупная, и цвет, обрати внимание, какой заманчивый.

— Цвет-то... Сомневаюсь я, милый, в смысле лошадиного цвету, — сказал Егор Иваныч. — Неинтересный цвет... Сбавь немного.

— А на что тебе цвет? — сказал торговец. — Тебе что, пахать цветом-то?

Сраженный этим аргументом, мужик оторопело посмотрел на лошадь, бросил шапку наземь, задавил ее ногой и крикнул:

— Пушай уж, ладно!

Потом сел на камень, снял сапог и вынул деньги. Он долго и с сожалением пересчитывал их и подал торговцу, слегка отвернув свою голову. Ему было невыносимо смотреть, как скрюченные пальцы разворачивали его деньги.

Наконец, торговец спрятал деньги в шапку и сказал, обращаясь уже на вы:

— Ваша лошадь... Ведите...

И Егор Иваныч повел. Он вел торжественно, цокал языком и называл лошадь Маруськой. И только когда прошел площадь и очутился на боковой улице — понял, какое событие произошло в его жизни. Он вдруг скинул с себя шапку и в восторге стал давить ее ногами, вспоминая, как хитро и умно он торговался. Потом пошел дальше, размахивая от восторга руками и бормоча:

— Купил!.. Лошадь-то... Мать честная... Опутал ево... Торговца-то...

Когда восторг немного утих, Егор Иваныч, хитро смеясь себе в бороду, стал подмигивать прохожим, приглашая их взглянуть на покупку. Но прохожие равнодушно проходили мимо.

— Хоть бы землячка для сочувствия... Хоть бы мне землячка встретить, — подумал Егор Иваныч.

И вдруг увидел малознамого мужика из дальней деревни.

— Кум! — закричал Егор Иваныч. — Кум, поди-кось поскорей сюда!

Черный мужик нехотя подошел и, не здороваясь, посмотрел на лошадь.

— Вот... Лошадь я, этово, купил! — сказал Егор Иваныч.

— Лошадь, — сказал мужик и, не зная, чего спросить, добавил: — Стало быть, не было у тебя лошади?

— В том-то и дело, милый, — сказал Егор Иваныч, — не было у меня лошади. Если б была, не стал бы я трепаться... Пойдем, я желаю тебя угостить.

— Вспрыснуть, значит? — спросил земляк, улыбаясь. — Можно. Это можно. Что можно, то можно... В «Ягодку», что ли?

Егор Иваныч кивнул головой, хлопнул себя по голенищу и повел за собой лошадь. Земляк шел впереди.

Это было в понедельник. А в среду утром Егор Иваныч возвращался в деревню. Лошади с ним не было. Черный мужик провожал Егора Иваныча до немецкой слободы.

— Ты не горюй, — говорил мужик. — Не было у тебя лошади, да и это не лошадь. Ну, пропили, — эка штука. Зато, браток, вспрыснул. Есть что вспомнить.

Егор Иваныч шел молча, сплевывая длинную, желтую слюну. И только, когда земляк, дойдя до слободы, стал прощаться, Егор Иваныч сказал тихо:

— А я, милый, два года солону лопал... зря...

Земляк сердито махнул рукой и пошел назад.

Содержание

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ 1914–1924

Метафизика	7
Веселая масленица	12
Сила таланта	15
Беда	17
Жертва революции	23
Аристократка	28
Герой	32
Человеческое достоинство	34
Жених	38
Последнее рождество	43
Святочные рассказы	47
Собачий нюх	51
Счастье	55
Медик	59
Диктофон	63
Случай в больнице	67
Исповедь	70
«Передовой человек»	73
Родственник	77
Рассказ певца	81

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ
1925–1930

Баня	87
Нервные люди	90
Кинодрама	94
Прелести культуры	97
Лимонад	102
Гости	106
Свадьба	109
Душевная простота	113
Игрушка	117
Каторга	119
Драка	122
Зубное дело	125
Веселенькая история	128
Кошка и люди	131
Больные	134
Хамство	137
Старая история	140
Иностранцы	142
Человека жалко	146
Дама с цветами	149
Приятная встреча	157
Психологическая история	163
Волокита	166

РАССКАЗЫ И ФЕЛЬЕТОНЫ
1932–1946

С луны свалился	171
Испытание героев	178
Врачевание и психика	187
Дела и люди	194
Западня	197
Грустные глаза	203

Анна на шее	208
Пьяный человек	215
На дне	220
Горе от ума	225
Истинное происшествие	230
Не пушу	234
Дача Петра Свинцова	240
Науку — на борьбу с шумом!	245
Прощай, карьера	251
История болезни	256
В трамвае	263
Нетактично поступили	267
Спи скорей	271
Опасные связи	277
Огни большого города	282
Парусиновый портфель	288
Веселая игра	295
Долг чести	301
Шумел камыш	305
Роза-Мария	310
Последняя неприятность	315
Клинический случай	322
У подъезда	327
Фотокарточка	331
Происшествие на Олимпе	337
Загадочная история	342

**РАССКАЗЫ ИЗ «ГОЛУБОЙ КНИГИ»
(1935)**

ИЗ РАССКАЗОВ О «ДЕНЬГАХ»

Сколько человеку нужно	357
Мелкий случай из личной жизни	360
Рассказ о том, как жена не разрешила мужу умереть	365

Трагикомический рассказ про человека, выигравшего деньги	371
ИЗ РАССКАЗОВ О «ЛЮБВИ»	
Женитьба — не напасть, как бы после не пропасть	379
Мелкий случай из личной жизни	382
Забавное приключение	389
ИЗ РАССКАЗОВ О «КОВАРСТВЕ»	
Забавное происшествие с кассиршей	400
Рассказ о том, как девочке сапожки покупали	404
ИЗ РАССКАЗОВ О «НЕУДАЧАХ»	
Рассказ о банях и их посетителях	408
Страдания молодого Вертера	414
Романтическая история с одним начинающим поэтом ...	420